

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ БЕССМЫСЛЕННОСТЬ МАНИПУЛЯЦИЙ

Рюмина Л.И.

Статья посвящена актуальной как для отечественной, так и зарубежной психологии теме – манипуляциям в общении. В ней наряду с теоретико-методологическими проблемами современной психологии поднимаются важные вопросы, связанные с нравственным содержанием манипуляций, их основными характеристиками и ролью в общении. Автор анализирует психологические функции манипуляций, но, опираясь на психосоциальный анализ, позволяющий соотнести распространение манипуляций с развитием культуры и общественных устройств, делает заключение, что появление манипуляций не было онтологически предопределено.

Ключевые слова: манипуляция, манипулирование людьми как психологическая проблема, функции общения, психосоциальный анализ общения, культурный фактор, социокультурные ценности, общественные отношения.

В последнее время в отечественной психологии активизировалась работа по методологическому осмыслению оснований психологии и построению ее нового образа. Вернулся интерес к неклассической психологии, дающей простор в выборе методов и интерпретации полученных с их помощью данных. Математическая точность и жесткий детерминизм стали уходить на второй план, психологии стал интересен сам человек. Внимание психологов привлекла толерантность. Эти идеи позволяют рассматривать современную психологию как науку, в центре которой человек, с его достоинствами и проблемами, с его возможностями и способностями жить в сложном мире людей, где его внутренний мир постоянно соприкасается с таким же многогранным и сложно структурированным миром других людей. Но соприкосновение это может оказаться и манипулятивным.

Получившие большое распространение благодаря рыночным отношениям, манипуляции начинают проникать во все сферы жизнедеятельности человека и пользоваться вниманием отечественных ученых различных специальностей (философов, политологов, психологов и т.п.).

Сам термин «манипуляция» широко используется и в обиходе, и в науке, где наблюдается неоднозначное отношение к явлению манипулирования людьми. При этом понятие манипуляции оказалось не только важным для психологии, но и «облеченным» определенным мировоззрением. Рост интереса к манипуляциям тесно перекликается и с общественной ситуацией, и с развитием самой психологии, но на

сегодняшний день, в связи с не разработанностью проблемы, едва ли возможно дать исчерпывающий ее анализ.

Первоначально манипулирование людьми выступает как атрибут политики, где принимает форму «макиавеллизма». Еще Платон в «Государстве» писал о существовании «хорошей» лжи, «добродетельном обмане», которые правителям надлежит применять как против неприятеля, так и для пользы своего государства. Не оспаривая мнения Г.В. Грачева и И.К. Мельник [5], что восточная культура имеет большой исторический опыт в применении манипуляций, отметим, что, на наш взгляд, время «официального» оформления манипуляций в европейской культуре – выход в свет сводов законов «Государь» итальянского политика и мыслителя Н. Макиавелли, рассматривающего общество как аморальное по своей сути. Термин «макиавеллизм» первоначально появился в политическом словаре, но очень скоро стал нарицательным, используемым для обозначения нравственной позиции – «цель оправдывает любые средства», то есть пренебрежения общечеловеческой моралью. Еще одним представителем негативного взгляда на природу человека является Т. Гоббс. Он считал, что люди в силу своей природы имеют тенденцию к враждебности друг к другу и «борьбе против всех». Так же, как и Н. Макиавелли, Т. Гоббс «проявлял» пренебрежение к законности или морали, когда речь шла о прагматичных интересах государства. Однако, этой позиции всегда противостоял не менее серьезный взгляд, основанный на

вере в естественную доброту человека (Ж. Руссо, И. Кант, Дидро и др.). На необходимость освоения манипуляций указывали М. Монтель, Б. Паскаль, Ф. Ларошфуко, но внимание к ним было привлечено во многом благодаря экзистенциализму.

Как нетрудно догадаться, экзистенциализм, не мог согласиться с Н. Макиавелли, и макиавеллизм рассматривал ни как какое-то специальное направление в политике ренессанса, а сущность политики, которую признали автономной и свободной от моральных ограничений. Философские основы манипуляции представителями этого направления анализируются, как правило, в силу противопоставления ее диалогу. Поэтому у М. Бубера [3], например, возможность манипулирования задается отношениями к Другому как к «Оно», выполняющему функцию объекта, служащего утилитарной цели каким-то образом использовать его. Причем эта позиция противоположная «Я – Ты» позиции, разъединяет людей. Здесь уместно будет привести высказывание Э. Левинаса [11]: «Субъект властен над объектом, с которым он всегда одинок».

Нужно отметить, что не только экзистенциалисты осудили манипулирование, в психологии эту линию продолжила гуманистическая психология, которая выступила против «обесценивания» как человеческого бытия, так и психологии, способствующей разработке техник и технологий манипулирования людьми. Поэтому на сегодняшний день в зарубежной психологии, опираясь на различные теории и психологические направления, обсуждаются две крайние точки зрения на манипулирование. Одна, идущая от Г. Франке, Д. Карнеги и др., считающих манипуляции необходимыми и полезными, так как они заменяют грубые методы достижения цели. Другая – берет начало в трудах ученых гуманистической ориентации. Манипулятор, в первом случае, предстает как искусственный в различных приемах субъект общения, во втором – как личность несовершенная, неуверенная в себе и других, в связи с чем, вынуждена прибегать к хитростям в общении.

Что касается отечественной психологии, то манипулирование людьми как психологическая проблема в ней стала изучаться недавно. Для советской психологии, как и для самого общественного строя, в корне отрицающего возможность использования другого в корыстных целях при социализме, оно было не актуально. Обе позиции зарубежных коллег, по мнению многих отечественных психологов, в значительной степени абсолютизируют роль манипуляций в жизни человека.

В целом манипуляция рассматривается как вид психологического воздействия, превращающего партнера по общению в объект, вещь, средство достижения собственной выгоды. Манипуляция

используется в обход сознания партнера, и манипулятор, благодаря неискреннему поведению, уловкам скрывает свои истинные намерения. Его цель – побудить другого человека к совершению каких-то действий, изменить его представления, желания, чувства, ценности [2, 6, 7, 12 и др.].

Большинство авторов склоняются к тому, что манипуляции осуществляются скрыто, неявно, считая это определяющим признаком. Следующий важный признак – наличие контроля, причем некоторые авторы считают его одной из важнейших (хотя и не определяющих) характеристик. По признаку «получение выгоды для себя», то есть нравственной оценки явления, можно наблюдать «разброс» позиций от полного признания необходимости манипуляций до полного отрицания возможности их использования, как и в гуманистической психологии, рассматривающей манипуляцию как нарушение прав человека на свободное самовыражение и волеизъявление. При этом складывается впечатление, что большинство отечественных ученых предпочитают занимать промежуточную позицию, и манипуляции ими признаются необходимыми, даже приносящими пользу, но в определенных ситуациях. Необходимость манипулирования в таких случаях объясняется неравенством субъектов общения (родители и учителя умнее, поэтому они лучше знают, что нужно ребенку; психотерапевт мудрее пациента и т.п.). Однако, можно согласиться с Е.В. Сидоренко [13], что всякая человеческая правота относительна и «никто не хорош настолько, чтобы учить других». Люди могут расходиться во взглядах на то, что является полезным для дела, для них самих и других людей. С этой точки зрения, любое влияние несправедливо, так как человек замахивается на то, что выше его – неведомый замысел чужой души и неведомым ему приоритетам разных человеческих дел. На самом деле, пишет автор, суждение о приоритетах основывается на принятой человеком экономической концепции или на личной системе ценностей, но они условны. Таким образом, всякое влияние диктуется не высшими соображениями Божьего промысла, а собственными потребностями.

Иногда применение манипуляций оправдывается тем, что они заменяют прямое насилие над личностью (приказы, требования) мягкой формой воздействия (лесть, обман и т.д.). Однако манипулирование – это тоже форма принуждения и насилия, но более изощренная. Более того, это форма духовного насилия, более унижительная для человека, поскольку воздействует на подсознание и лишает человека выбора. И при авторитарном, и манипулятивном воздействии главным является контроль и коммуникативная позиция «над», но ситуация авторитарного воздействия – открытая коммуникация, авторитар

не скрывает своего намерения заставить человека что-то сделать, и партнер может выбирать делать это или нет. Согласно А. Гжегорчик [4], применение средств уничтожения противника, может иметь различный характер в зависимости от намерений действующего лица. Оно может быть и манипулятивным, являться частью тактики, конечной целью которой является такое уничтожение. Интересно, что с точки зрения автора, некоторые виды нажима (по существу авторитарные действия) могут быть отнесены к ненасильственной коммуникации, так как не вызывают отрицательных последствий в психике (там же). Правда и ненасилие – стороны одной медали и по мнению других ученых.

Как можно заметить, манипуляции тесно вплетены в человеческое общение, обслуживают его и без него не могут существовать, поэтому имеют самое непосредственное отношение к выживанию человека. Однако это приводит к постановке, пожалуй, самой серьезной проблемы, связанной с психологией манипуляции, хорошо и емко выраженной Э. Фроммом: «быть» или «иметь». Так как общение тесно связано с общественными отношениями, социокультурными ценностями (транслируемыми в основном СМИ), резонно предположить, что существуют внешние условия (общественные, социально-экономические), способствующие распространению манипуляций. Иными словами, «одобряющими или не одобряющими» подобный тип взаимодействия.

Что касается роли манипуляций в развитии общества и культуры в целом, то можно обратиться к мнению Й. Хейзинга [15], одного из главных специалистов в этой области. Для него аналогом манипуляции выступает «нечестная» игра. Подлинная культура, пишет он, требует всегда и в любом аспекте честной игры, то есть выраженного в терминах игры эквивалента порядочности. Чтобы игровое содержание культуры могло быть созидющим или подвигающим культуру, оно должно быть чистым, не должно состоять в отступничестве от норм, предписанных разумом, человечностью или верой. Оно не должно быть ложным сиянием, маскирующим намерения осуществления определенной цели с помощью специально возвращенных игровых форм. Уже самое это наводит на мысль о несовместимости развития культуры и манипуляций, или уж по крайней мере о возможности существования в истории человечества периодов «неманипулятивной культуры».

Действительно, если обратиться к психосоциальному анализу [12], то оказывается, что появление манипуляций не было онтологически предопределено. Общение уже на ранних этапах цивилизации играло первостепенную роль в жизни человека. Человек не мог обойтись без другого человека. Из стремления жить в гармонии с миром природы, родилась и

потребность жить в гармонии с себе подобными, как ее неотъемлемой части. Таким образом, первые функции общения – спланировать, способствовать совместности жизнедеятельности и оказание взаимопомощи, предполагающей равенство, из которого родилась нравственность. Манипуляции же впервые значимое место начинают занимать в Римской империи, хотя и в это время еще нет условий для их распространения: человек по-прежнему сильно зависел от отношения к нему другого, поэтому предпочитал жить с ним в согласии. Христианство «закрепило» это, определив, что перед Богом все равны. Оно утвердило право личности на самостоятельный, ответственный и нравственный выбор, сопровождающийся бытийными переживаниями, а молитва, способствовала осознанию значимости «Другого», развитию внутреннего диалога, что в дальнейшем найдет отражение в отношениях с другими людьми. Поэтому неслучайно, что ложь (основа манипуляций) считается в христианстве грехом.

Надо полагать, что переломными для европейской культуры оказались XVII-XVIII века: в это время наблюдается отход от естества человеческой природы, следовательно, и от общечеловеческих ценностей, нравственность стала определяться не равенством перед бытием, а выполнением социальных функций, «равенством» социальных позиций. В Новое время человек еще больше уходит от экзистенциальной связи с другими. Приоритетной становится «полезность» другого человека. Увеличение значимости «Я» сопровождается уменьшением значимости другого и общения, как необходимого атрибута бытия, появляется стремление господствовать и контролировать природу, себя, других. Это важные причины, разрушившие гармонию, основывающуюся на равенстве и проложившие путь манипуляциям.

Значимость «полезности» наблюдается и в последующее время. В XIX веке созданы все объективные условия для манипуляций (во многом благодаря рыночным отношениям, породившим мозаичную культуру и «человека массы»). Это приводит к появлению главной внутренней предпосылки манипулирования (недоверию к себе и другим) в полной мере проявившейся в XX веке, по мнению ученых экзистенциалистов – времени разобщения людей, в связи с огромным количеством войн, общественных неурядиц, ориентации на значимость технических устройств, а не человеческих отношений.

На культурный фактор, по мере развития человечества накладывается еще одна важная для его выживания система – общественные отношения. Общество, выступая в роли активного субъекта по отношению к конкретному человеку, стремится формировать у него те ценностные установки, которые необходимы для успешной адаптации в данной общественной и

социо-экономической системе. Общественные отношения более динамичны, могут соответствовать или не соответствовать социокультурным традициям, а также общечеловеческим ценностям. От этого во многом зависит и формирование внутреннего мира личности, и ее переживания.

Конечно, с психологической точки зрения (как адаптация к конкретным условиям с целью выживания) в зависимости от культуры, общественных устройств эффективной может быть любая форма общения. Но в онтологическом плане самой эффективной формой, способствующей выживанию человечества, выступает диалог. Несмотря на то, что появление манипуляций не являлось закономерной исторической необходимостью, что в определенной степени лишает их онтологического статуса, тем не менее, эта форма общения может рассматриваться как онтологическая.

Такое допущение следует из того, что она может способствовать выживанию отдельного человека в «несовершенном» человеческом обществе и из особенностей экзистенциального и онтологического анализа явлений. Манипулирование – насильственная коммуникация, строящаяся на недоверии (и вызывающая его), нарушающая экзистенциальное единство. Однако, согласно экзистенциализму, как «высшее», так и «низшее» одновременно определяют человеческую природу и являются ее характеристиками: ничто не должно отбрасываться, только интегрироваться. Что касается онтологии, то она оперирует парными категориями, главные из которых, на наш взгляд, «бытие-небытие». В ракурсе данного анализа диалог может быть представлен как «бытие», а манипуляция – как «небытие», так как не выполняет онтологических функций (не соединяет и не объединяет людей). Чем больше культура, общество ориентировано на диалог, тем меньше в них находится место манипуляциям, и наоборот.

Еще С.Л. Выготский предполагал, что филогенез и онтогенез могут рассматриваться как изоморфные области, одна из которых (филогенез) может выступать моделью другой (онтогенеза). Поэтому сказанное выше вполне применимо и к межличностному общению: оно не предполагает необходимости использования другого человека в своих целях, более того, подобное общение противоречит природе человеческих отношений.

Исходя из традиций отечественной психологии, можно было бы предположить, что манипуляция – субъект-объектная форма общения. Что касается партнера, то он превращается в объект, овеществляется, то есть теряет свою человеческую сущность, становится вещью – предметом материального мира. Сам манипулирующий, как субъект общения, активен, кроме того, он старается взять инициативу в общении

в свои руки (контролировать начало, конец и динамику взаимодействия); часто действует крайне избирательно и целенаправленно, выбирая наиболее приемлемый для достижения своей цели путь. Но с точки зрения онтологии, нарушая законы человеческого бытия, он тем самым не наделяет ценностью и себя, то есть, тоже относится к себе объектно.

В отечественной психологии идеи об объективизировании субъекта можно найти еще у Б.Г. Ананьева. Однако для него и его последователей в этом вопросе речь идет не о безусловной характеристике конкретного человека, а о диспозициях, которые проявляются в одних ситуациях и отсутствуют в других. Как отмечают М.С. Каган и А.М. Эткинд, сложность организации, функционирования и развития человеческого общения делают необходимыми отношения к другому и как к объекту, а не субъекту [10]. Еще более четко эта мысль выражена у К.А. Абульхановой-Славской [1]. Проводя в течение пяти лет исследование различных аспектов социального мышления личности, как поразительный и неожиданный факт, она описывает тип людей, которые воспринимают себя в своем сознании как объектов. Причем дело не в обычной для каждого взрослого способности представлять себя институционально (служащий, житель города и т.д.), а в некоторой достаточно серьезной деперсонализации, точнее – десубъективации своего «Я». Сама К.А. Абульханова-Славская отмечает, что этот факт требует дальнейшего исследования. Для нас он представляет интерес, так как показывает возможность объектного отношения к себе. Еще ближе к нашему пониманию объектности Я позиция В.М. Снеткова [14] и С.Л. Братченко [2]. В.М. Снетков описывает человека-субъекта и человека-объекта, активность которого преимущественно направлена на то, чтобы потреблять, а не создавать, брать, а не давать. Он пассивный наблюдатель, объект воздействия окружающего мира. С.Л. Братченко считает, что человек принимает объектную позицию, становится объектом, не доверяя себе и ориентируясь на внешнее воздействие.

Как можно заметить, в манипуляциях изначально нет общей цели и единства намерений. Это «разорванная коммуникация». Даже в случае взаимодействия двух манипуляторов совместности не получается [9]. При этом обман, ложные маскировки, дезинформация, сопровождающие манипуляции, делают взаимодействие поверхностным, а самого «дезинформатора» – заложником созданного им ложного образа «Я», вызывая напряжение и, заставляя следовать ему в дальнейшем, даже вопреки своим интересам. Напряжение, таким образом, неотъемлемая часть эмоционального сопровождения манипуляций.

Тем не менее, манипуляции пользуются большей популярностью. И из двух зол – быть манипулятором

или жертвой манипуляций, большинство предпочтет первое. Тогда чем они так привлекательны? Использование манипуляций дает ощущение силы, власти, контроля, создавая иллюзию избранности и права использовать других. Кроме того, это возможность быстрого достижения цели, так как не берется в расчет другой человек (его желания, переживания и т.п.) и игнорируется необходимость нравственного отношения к Другому или Другим.

Таким образом, если диалог объединяет и создает совместность в самом широком смысле, манипуляция носит односторонний характер, в связи с чем, и эффективность, удовлетворенность и эмоциональное сопровождение общения различаются у партнеров и определяются с позиций одного человека. Перефразируя известное изречение можно сказать, что при манипуляции, то, что одному хорошо, для другого – плохо. А если так, то такое общение не вызывает желания его продолжать и углублять. Поэтому с помощью манипуляций можно быстро достичь цели, «выиграть» тактически, но проиграть стратегически. В этом и есть самый главный психологический смысл манипуляций и их онтологическая бессмысленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. и общая редакция А.Л. Свенцицкого. – СПб.: Питер, 2000. – С. 289-315.
2. Братченко С.Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала: Методическое пособие для школьных психологов. – Псков: Изд-во Псковского областного института повышения квалификации работников образования, 1997. – 68 с.
3. Бубер М. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
4. Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. – М.: Наука, 1992. – № 3. – С. 54-65.
5. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М., 2002. – 288 с.
6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1996. – 344 с.
7. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1995. – 208 с.
8. Желтонова Ю.А. Ценностно-смысловые детерминанты межличностного взаимопонимания // Дисс....канд.психол.наук. – Ростов-на-Дону, 2000.
9. Каган М.С., Эткинд А.М. Общение как ценность и как творчество // Вопросы психологии. – 1988. – № 4. – С. 25-34.
10. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм Другого человека / Перевод с французского А.В. Парибка. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 265 с.
11. Рюшнина Л.И. Ценностно-смысловой подход к общению. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2004. – 176 с.
12. Сидоренко Е.В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. и общая редакция А.Л. Свенцицкого. – СПб.: Питер, 2000. – С. 148-170.
13. Снетков В.М. Концепция периодической таблицы человековедения // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб.: Питер, 2000. – Вып. 4. – С. 121-134.
14. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл / Общ.ред. и послесл. Г.М. Тавризян. – М.: «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 464 с.